

Почему мы ничего не говорим ничего? Потому что все слова обуглились в атомном огне.

Почему у нас нет имён? Потому что мы все мертвы. А у мёртвых есть только номера на медальоне - для учёта и архива.

После атомных взрывов от наших тел остались только тени.

Все мы - только лишь тени уносимые ветром.

Ветром в котором летит здешний, похожий на наждак, песок. И ещё лёд. Жёсткий, холодный лёд. Он тает внутри противогаса, забиваемый силой ветра даже в микротрещины резины. Тает превращаясь в горькую воду с химическим вкусом.

Имя - это же вечное клеймо.

А что есть постоянного в мире пыльных призраков, рождаемых воющим песком и соскальзывающими по нему молниями, которые породило кручение вихрей железной пыли в магнитном поле планеты?

А мы - тени.

Тени Его сна.

Тени Его света.

Вспомни меня, о Император, когда проснёшься...

Кумулятивный инженерный заряд, "дробильник", очень похож на перевёрнутый котелок. Нет, не такой как обычная солдатская манерка, а настоящий, огромный котёл - вроде тех, в которых варят согнанным на долгое и тяжёлое строительство рабочим пищу. Даже ручки есть. Именно для того, чтобы нести. Вдвоём. Вот только, в отличие от котла, он совсем не закопчён, как полагается всякой достаточно долго прослужившей посуде, а строгого, серо-стального цвета. И ещё он намного, намного тяжелее котла с похлёбкой. Один бы человек ни за что не смог бы бежать с ним по узкой траншее, да ещё пригнувшись - так, как несущие его гренадеры.

Плюх! Плюх!

Вода на дне окопа, натаявшая из нанесённого снега, никогда не замерзает. Только намерзает тонкий лёд сверху - и всё.

Плюх! Плюх!

Мочит обмотки, просачивается сквозь крепко туго вбитые гвозди на подмётке.

На лёд, который сейчас ломают ботинки, идёт пресная вода. А та, что под ним настолько солонa, что не замёрзнет даже зимой - не то что сейчас, летом. Она пропитана самым древним холодом, ещё с позапрошлой зимы, когда они только пришли сюда. Вместе с водой, та зима потихоньку проникает в обмотки, пропитывает плотную ткань шинели,

делая её тяжелее. Просачивается эта зима - вода и в поры пропитанной карболкой кожи ботинок, сжимая ноги в ледяных тисках.

Впрочем, до этого никому нет дела. Ведь тяжесть заряда режет руки, даже сквозь беспальные перчатки. Плечи тянут лямки батарейного блока, а о доспехи лорики, надоедливо так, как часы в пустой комнате - колотится связанный с ранцевой батареей пуповиной бронированных кабелей, тяжёлый как нераскаянный грех, рентгеновский факел, отштампованный на фабриках релятивистского корабля-матери муспелль допотопного типа "Лукс". Во всяком случае, так значится на его табличке

Больше мили песка. Песка когда-то бывшего плодородной землёй, удерживающей воду глиной. Удивительно, но это правда. Тут, в самом деле, был огромный парк - остатки древнего леса, того, что был до прихода первых колонистов и их машин.

Теперь, после того как Погибель взорвала погодные машины на полюсах, здесь только песок.

Пока не утихла прикрывающая их буря, которую теперь не гасят погодные установки и о которой теперь не предупреждают спутники - надо пройти эту милю открытого пространства. По разбитому чёрному покрытию старой дороги. Напрямик.

Через чёрные деревья. К серой Башне.

Если буря вдруг начнёт затихать, то заговорит мортира.

Может быть, взрывам снарядов удастся достаточно долго отвлекать внимание от их группы.

Может быть, гренадерам удастся взорвать первый заряд и обвалить Башню -до того, как утихнет буря.

Может быть, хотябы после второго взрыва - Башня начнёт падать.

Может, им удастся занять и удерживать её - достаточно долго, чтобы артиллеристы и приданный им десяток солдат, которые сейчас пытаются снять массивное колесо, сбить прикипевшие под здешним песком болты и гайки, смогли бы наконец, выбить из своего уютного гнезда треснувшую пополам здоровенную ось.

Успели бы проварить и, придавая хоть оси какую-то прочность, наляпать, поверх трещины, полосы какого-нибудь железа из развалин. И успели бы поставить на место.

Потом эта ось снова лопнет.

Но, может быть, так получится дать ещё пару выстрелов, в сторону Башни, и - переместить орудие.

Пусть у них получится - хотябы! - переместить орудие.

Ведь хорошо - если не зря.

-Тумп!- вот и всё что ответило утро, подслушав его мысли.

Твёрдые как камни, вывороченные взрывом снаряда комья мёрзлой земли и ледяное крошево застучали по наплечникам и стальным скатам шлема. Возможно, что-то из этой

трухи посыпалось бы ворот шинели не будь он застёгнут наглухо.

Врядли их увидели.

Даже с Башни.

Даже если забыть, что бревенчатые стены окопа, надёжно скроют полусогнутые серые, похожие на тени фигуры. И даже если забыть про них- а забыть придётся, когда поднимешься из окопа и, уперевшись каблуками в бруствер, вытащишь невероятно тяжёлый котелок заряда, - остаётся ещё пыльная буря.

Ветра здесь такой силы что, даже расположенные в нижней части изолирующей маски фильтры не спасают от обязательной и очень болезненной процедуры промывки лёгких через межрёберные клапаны. Снять пахнущую кислой кожей нижнюю часть маски, хоть на мгновение, чтобы поесть или глотнуть воды, можно только внутри боевой машины или бункера. Исцарапанные же до последней степени линзы из биостекла идущим Башне гренадёрам мог заменить только хирург-автомат. Процедура эта была весьма болезненна, так как включала в себя не только снятие кожи и доставание из глазниц старых линз, но и временное снятие полостей фильтросистем, закреплённых в глубинах носоглотки из-за чего каждый вдох сухого неотфильтрованного воздуха становился похож на засыпание горсти битого стекла в открытую рану. А наспех приживлённая сталерезиновая кожа и шрамы до сих пор чесались, всё более и более раздражаемые безжалостно иссекавшим их песком.

Но что было по-настоящему обидно -так это потеря времени. С их усиленной нервной системой, лазарям не требовалась анестезия. Но даже так, работа надо всеми шестью заняла у хирургического автомата значительное время, за которое даже внешний, мегасекундный, круг офицерского хронометра сдвинулся заметно для глаза. И до восхода здешнего солнца теперь оставалось три полных внутренних круга. Может, ещё несколько оборотов стержня -если судьба будет к ним благосклонна. Восход солнца ознаменует собой то, что магнитные поля здешней звезды немного успокоят ярость здешних ветров, лишив их и без того сомнительного прикрытия бури. А ведь они даже ещё не выбрались из траншей, как летящие песок и пыль уже исцарапали их новую оптику так, что не видно даже пальцев вытянутой руки. Наверное, здесь не было нужды делать линзы специально замутнёнными для гашения бликов лазерного оружия - природа сама проделывала это за вас.

Если очередной снаряд и сказал своё "тумп!", то этот звук никто не услышал в вое ветров и грохоте взрыва. Скорее всего, просто обычный утренний обстрел. Выпустили наугад, по нанесённым на карту целям. Обычно, они начинают стрелять с первыми лучами, после того как ночная буря затихает и с Башни открываются позиции Корпуса - чтобы видеть результаты и не потратить зря даже один-единственный снаряд. Но иногда бури продолжают даже после восхода солнца. Тогда, они длятся всё утро и даже некоторую часть дня. Хорошо бы если так! И тогда акашикам не могут подвезти положенную норму терпения на позиции. Ну а снарядов у них всегда много - как и

мешков с настоящим лутцевым порошком из которого выходит замечательный нарко-кофе....

-Тумп!- ответил его мыслям ещё один, легший совсем рядом, но не взорвавшийся снаряд гиперпушки. Он ударил в мёрзлую почву как многотонная кувалда и ногу возмечтавшего о трофейном кофе юнкера, сотрясение почвы запросто сбросило с бермы. Падая, выпустил ручку инженерного заряда - чтобы не утянуть за собой своего товарища.

Бугры мышц, лопающаяся от малейшего движения пористая кожа, язвы, рёв слюнявой пасти, резонирующий в гигантской бетонной трубе.

Геноабоминант!

Ярость вспыхнула в груди подобно невидимому рентгеновскому пламени. Серия импульсов усиленной винтовки, принадлежавшей шедшему впереди него, взорвала огромную тушу сразу в нескольких местах.

Медленное человеческое сознание, отстранённое от сражения до автоматизма заученными движениями, от нечего делать, брало и раскрашивало раскалённый до белизны плазменный канал в красный. Он протянулся от разогретых частой стрельбой почти до температуры плавления молибденовых зеркал его муспелля до тела хibaкуся. Да, рентгеновские лучи увидеть нельзя - и это известно. Но вода, пыль и воздушная плазма вспыхнули белым пламенем. А сознание просто отказывалось верить в то, что оно белое. Лазерный луч, обжигающий как и любой огонь вообще, может быть только красным- вот и всё! Гренадёр никогда не мог этого понять, но именно красные лазеры казались ему самыми правильными. Цвет пламени, цвет очищения... В других есть что-то... неправильное.

Показалось? Или просто кровь бросилась в лицо, гонимая генетически запрограммированной на ненависть искажённому человеческому телу биохимией мозга? Нет. Жар, в самом деле, обдал его лицо. Шедший перед ним закричал- и тут же замолк. Тяжело заставить кричать от боли раз за разом восстававшего из-под крышки хрустального гроба-матки лазаря - некросапиенса с усиленными нервной и иммунной системами. Но даже такой не может продолжать кричать, когда уже сгорели его голосовые связки.

А та гора мяса рвётся вперёд не просто так. Он прикрывает акашика. Вон он, стоит. Он не затеряется даже в этой толпе. Пепельная жесткая кожа - как почти у всех здесь?

Неет. Это частая ошибка мутационной хирургии, она появляется даже у лазарей. Стоит вирусным джиннам как-то неправильно задеть ДНК - и кожа меняет цвет. У него самого кожа такая же серая. Это почти норма. На это не обращают внимание. Жить это не мешает. Да и главное для джарахов - впихнуть участок ДНК, отвечающий за

формирование особых нитей из проводящего коллоида в мозгу, за чувствительность к напряжению гиперполя. Очень редко рождаются с ними естественным путём. Когда-то такие не рождались совсем...

Серая кожа, огненно-рыжие волосы(Пусть даже рыжих среди акашиков особенно много) - всё это глупости.

Вот ! Шесть маленьких рук на груди шевелятся как лапки полураздавленного насекомого. Видно, что именно его коснулось Акаши... О чём может думать разум, которому, для его размышлений, нужен вылепленный из звёздного вещества и гиперполя мозг - тот самый, который до первого Холокоста звали Туманностью Андромеды? И что он может вылепить из живого, согласившегося быть даже не рабом- мыслью надзвёздного существа?!

Чего они ждали? Что превратившийся в факел череп солдата испугает их? Остановит? Но эмоции, если они и были, никак не повлияли на точность и темп стрельбы.

И так было ясно, что абоминант добежит до штурмовиков. Даже если тварь примет на себя все его выстрелы. Абоминант так и спроектирован - серый, невероятно теплоёмкий, закипающий сейчас от лазерных выстрелов расположенный поверх мышц жир и есть её защита. Он бы упал. Если бы расстояние было хоть чуть побольше. Или его импровизированный щит из рваного железа не жрал так сильно мощность лазерного луча, не давая нанести достаточно глубокие и болезненные раны. Или, если бы у него было бы время настроить рентгеновские зеркала... Огонь факела, обычно, идёт широким пучком, не хуже сгущёной нефти выжигая рентгеновским пятном всё, что не защищено металлом. Но факельщик в штурмовой группе вполне способен прорезать тонким как волос лучом когерентного излучения путь через запертые бронедвери - именно поэтому батарея за его спиной была так мощна, так тяжела и сбруя основательно натёрла плечи...

Но их разделяет всего один виток железной спирали лестницы - и эта тварь рассчитана именно для подобных столкновений.

И щит из ржавого, но тугоплавкого металла у него есть.

И времени нет.

Поэтому он добежит.

А никакой человек, даже лазарь, даже защищённый металлическими рёбрами панциря и стальным черепом шлема, не выдержит удара этого монстра.

Поэтому то, что он будет убит - вопрос нескольких мгновений. Императору надоело видеть сон о нём.

И думать тут не о чем. Сейчас важно другое - как этот сон закончится. Он *должен* закончиться хорошо- иначе Сероглазый Повелитель не захочет никогда вновь воскресить его в своем сне, что всегда начинается в хрустальном гробу на борту корабля-матери или, тем более, в реальности.

Лазерный огнёмёт, лазерное оружие вообще- это одиночество. Одиночество в ледяной пустыне, где есть ты, твои грехи и ничего больше.

Чёрная шинель жизнезащитного цвета, плотно застёгнутая у горла. Душащий воротничок, в котором раз за разом надо прорезать постоянно нарастающую петлю - закрывает срез изолирующей боевой маски.

Чёрный ветер, несущий иней и пыль.

Иллюзия того, что здесь есть кто-то ещё разлетается разлетается на клочки, разорванная тепловым взрывом вместе попавшимся под лазерный луч врагом. Для каждого из акашиков, стрелявших в меня - под разбитым куполом, у зданий и уже на лестнице, в Башне- я существовал, вне всякого сомнения. Ярость, пули, отдача его грав-винтовки, вспыхивающая от трения о воздух вольфрамовая пуля или бело-жёлтое пламя из пламяотводов его автоканна. Всё это достаточные свидетельства моего существования.

А они все - для меня? Тень в вихре пыли и песка исчезла. Пружинка отщёлкнула туговую клавишу открытия огня.

Исчезла потому что туда, в вечный вечер песчаной бури, посветили ярким лазерным светом.

Случайный выстрел в никуда - по пепельным призракам.

На самом деле, там и даже света не было. Просто вспыхивали белым пламенем пыль и воздух, образуя прямую всежигающего света, вот и всё.

Когда врагов много - лазер сильно греется. Ощущаешь тепло исходящее от радиаторных пластин. Это опасное ощущение. Иллюзия чего-то реального в этом сне.

Ибо сказано верно и давно.

Что...

Мутация - гордыня, искажение совершенного сна Императора.

Колдовство - гордыня, попытка видеть сон об этом мире самому - вместо Императора.

Мы-солдаты Императора. Мы-храним его сон.

Сжечь всё, что искажает сон Его - дабы запомнил он нас правильно и воссоздал, в реальности

Одиночество-это истина.

И одиночество-моё оружие.

Так же как искушение- их.

Рудиментарные ручки на животе акашика заполняют всё поле зрения.

Нитям в его мозгу надо остыть- иначе голова колдуна взорвётся будто от попадания лазерного разряда.

С законами природы не может поспорить даже их ложное божество.

Вся надежда на то, что абоминант - неразумен. Не может быть разумен, как и любая искусственная форма жизни.

Акашики используют искусственные формы жизни, но сама Акаши брезгует касаться их. Поэтому абоминант лишён души и неразумен. А, следовательно, делает только то, на что запрограммирован информацией, содержащейся в цепях ДНК введённых цереброинъекторами инфовирусов. Закипающий под лазерными лучами тупой мозг однозадачного хибакуса не сработает. Должен не сработать. В нём нет программы - не рвать стоящего перед ним лазаря, стоять напротив лазаря, не дать лазарю поднять факел...

Сейчас, хибакуся пройдёт ещё одну.... две ступеньки по спирали... И когда он больше не будет пересекать весь конус смертоносного излучения, то его последняя цель - акашик, - сгорит в рентгеновском пламени! На лестнице, в Башне для рентгеновского факела, нет неэффективной дистанции, а колдун совершил свою последнюю ошибку, когда сжёг первым идущего впереди, а не его. Это же аксиома- вывод из строя тяжёлое вооружение! Потом, уже потом, его убьёт разозлённый, задетый потоком, обожжённый, лишённый одной руки, абоминант - они живучие.

А пока монстр рвёт его - абоминанта расстреляют остальные. Они успеют. Как и любой лазарь, он достаточно силён, и тело его прочно. Даже толстая негниющая шинель - часть его кожи, а вместо хрупкой кости рёбер его внутренние органы защищают десятки наслаивающихся друг на друга округлых пластин титана толщиной в цептаду. Оторвать их будет непросто даже абоминанту. А, тем более, он - штурмовик. Хибакуся придётся ещё оторвать намертво прикреплённые хирургическим автоматом к стандартному панцирному бронескелету лазаря дополнительные бронепластины... Нет, они точно успеют его сжечь.

Лестница шатается под шагами чудища. Нет. Нельзя. Он всё решил верно. Если он воспользуется кумулятивной гранатой, чтобы убить его и умереть быстро самому - он слишком сильно рискует, что проржавевшие крепления лестницы не выдержат и тогда вниз полетит не только хибакуся и враги(Что было бы прекрасно), не он с ними(Что было бы приемлемо),но и весь остальной штурмовой взвод.

Как жаль, что он не увидит вершины Башни.

Значит....

Вонь сжигаемого жира перебил запах кипящего и сварившегося мяса - огнемёт был настроен на максимальное поражение незащищённого тела, а на спине бронепластины панциря сильно расходятся и не успевшее ещё упасть, размахивавшее руками из-за последних нервных коротких замыканий боли тело невезучего(Или, может быть - удачливого? Мученика? Ушедшего из сна - в реальность? Всё может быть? Во всяком

случае, он точно воскреснет на корабле-матери) солдата с сожжённой головой буквально взорвалось изнутри.

Лишённые команд от разлетевшихся в кипящую кровавую кашу головного мозга и деформированного позвоночного столба, ноги в синих форменных штанах - единственное, что осталось относительно целым, - упали на железные ступени, освобождая путь рентгеновскому потоку. Акашик успел понять, что с ним сейчас случится и даже начать поднимать свой примитивный пистолет, в надежде пробить кирасу или изолирующую маску его белоглазой судьбы, но что-то сделать... Где-то далеко взревел разъяренный хибакуся.

Выстрелы с верхних спиралей лестницы грохнули внутри полого бетонного цилиндра как быстрое барабанное соло. Четыре пули, прилетевшие в ответ на треск его оружия, ударили в грудь и разлетелись почти безобидными шариками расплавленного свинца.

Кому-то не хватило терпения - чтобы подождать считанные мгновения, пока его убьёт хибакуся, и, одновременно, храбрости - рискнуть подставится под пламя рентгеновского факела.

Даже у самой крупной пули ручного автоканна не хватит силы отбросить человека назад, да ещё и навечно закованного в штурмовой панцирь гренадера.

Но гренадер Тагмата-Зима-Альфа-443744875 просто оступился. Замер, на долю секунды, в неустойчивом положении. Всего лишь на долю секунды. И именно в этот момент ударили пули. Пусть даже они не пробили ребра лорики - они всё же убили шедшего первым так же верно, как если бы попали ему в мозг.

Проломив спиной ржавое железо перил винтовой служебной лестницы, крутившейся как взбешённая прикосновением горячей палки гадюка внутри и без того тесного забитого до отказа всяким железом бетонного колодца, он, в мгновение ока, потерялся в этом страшном мире, лишился понимания того, где верх, а где низ.

Его первым порывом было за что-нибудь схватиться.

Но он просто не успевал.

Несколько раз ударился о выступающее железо - спасли наплаивавшиеся друг на друга пластины брони и толстая шинель, поглотившая удар.

Вспомнив о том, что сейчас он несёт на себе ценное оружие, он попытался выгнуться, перевернуться вертикально, чтобы не задеть ничего ранцевой батареей, не зацепить кабелями питания винтовки - и у него это получилось

Извиваясь, гренадер сумел переместить тело поближе к лифтовым тросам и схватить их мёртвой хваткой.

И даже вытерпеть боль в пальцах.

Когда падение остановилось, он попытался подтянуться, но истёртые о стальные нити тросов, обожжённые покрывавшим их пушечным салом и трением спуска ладони не

выдержали веса его тела, брони и оружия.

Пальцы разжались сами по себе и Тагмата-Зима-Альфа-443744875 упал ещё раз.

И падал на этот раз, без остановок, пока подошвы его тяжёлых ботинок не ударились о воду, затопившую все нижние этажи Башни из-за прекращения подачи электроэнергии к насосам и холодильникам.

Батарея, импульсник, шлем, ребра-пластины, поножи, боевая изолирующая маска, толстая серая шинель - даже ботинки.

Всё тянуло на дно.

А Альфа-443 упорно продолжал пытаться плыть вверх, боясь даже представить как тяжёлая батарея и импульсник исчезают растворяются в мути, исчезают в темноте затопленных этажей насовсем.

Кому он нужен - без оружия?

И сколько он проживёт без него - даже если выплывет?

А сколько он пройдёт, без фильтров, без обуви - под здешней пыльной бурей, запросто снимающей краску с брони? Да и много ли они добавят ему плавучести, если даже гренадёрский пластинчатый панцирь, вместе с остальными деталями доспеха, не исключая сталерезиновой маски и шлема - его скелет? Если даже теплая чёрная устойчивая к боевой химии шинель - часть его самого? Их не снять.

Даже если бы что-то и получилось- вверх бы выплыл окровавленный кусок мяса, который вскоре бы умер.

Его погасший навсегда рентгеновский факел тонул быстрее него самого, смотревшего вверх, на спокойную поверхность, на гаснущий в мутной зелёной воде круг белого света.

Найти и вытащить вместе с винтовкой и батареей его труп, запакованный в негниющие кожные покровы шинели будет проще, чем искать оружие на дне отдельно от тела. А значит, его оружие, его броня, во всяком случае, скелет из помнящего форму титанового сплава - ещё послужат.

Всё, что осталось - это короткая и тихая литания покоя.

Но она была прочитана давным-давно. Когда им в первый раз надета штурмовая броня он, оставшийся последним из своего пехотного отделения, в числе прочих имён, он произнёс и своё.

Под водой маска работает не дольше пяти минут.

Как было сказано, Императору надоело видеть сон о его жизни.

Пусть же он закончится хорошо.

Впрочем, так и есть.

Акашик ведь, всё-таки, сгорел.

И его даже не стал рвать хибакуся.

Зима-Альфа прижал к груди своё оружие, отключил больше не нужные ему механизмы маски и постарался заснуть.

Ему казалось, что у него это не получается. Что стены начинают говорить с водой.

Что говорят они о нём.

Конечно, это было не так. Он никто, слишком малая часть этого мира. Солдат - много, они - легионы, лавина, что раздавит врага.

Но по отдельности, каждый из них - меньше чем камушек...

Но враг будет раздавлен - пусть даже Тагмата-Зима этого не увидит.

Грезилось ему это или нет - но вода становилась теплее.

Надо спать.

Здесь, на дне, ему больше нечего делать. Он больше ни для чего не нужен.

Удалявшийся круг света на поверхности воды горел белым терпещущим пламенем - как электрическая дуга.

Так же ярко, в пространстве Акаши, которое куклы надзвёздного разума зовут гиперполем, горят зажжённые Сероглазым Повелителем акашические дуги... Которые, если его не воскресит Император, скоро погаснут для него навсегда.

И пусть. В отличие от акашиков, его тело двигателя пусть и искусственная, но настоящая - истинно человеческая душа - а не прикосновения холодного разума из межзвёздного газа, который заранее написал для своих марионеток правила поведения в её невероятной игре. Чтобы никто не угадал, что они всего лишь куклы. Но все уже знают - кто они.

Зима был истинно жив - и жил он по своей воле после того, как его тело распечатали на корабле-матери. Зима истинно умер в последней атаке своего полка - после чего Император сделал его гренадёром и дал тяжёлый лазерный факел.

Если он воскреснет - снова, в гробу-матке корабля или уже в истинной реальности?

Наверное, не стоит думать об этом. На всё воля машины Сероглазого Императора

Здесь, на дне затопленных подвалов Башни, нечего делать - кроме того, чтобы рассуждать о прошедшей жизни.

Или спать.